DK
436
.5
.S5T7

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

18

СИГИЗМУНДЪ СѢРАКОВСКІЙ

и

ЕГО КАЗНЬ,

СЪ ПРЕДШЕСТВОВАВШИМИ ПОЛЬСКИМИ МАНИФЕСТАЦІЯМИ ВЪ ВИЛЬНѢ ВЪ 1861—1863 ГОДАХЪ.

Изъ дѣлъ Виленской слѣдственной коммиссіи, по политическимъ дѣламъ.

СОСТАВИЛЪ

Н. ЦЫЛОВЪ.

ВИЛЬНА.

1867.

Tsylov, Nikolai Ivanovich

СИГИЗМУНДЪ СѢРАКОВСКІЙ

и

ЕГО КАЗНЬ,

СЪ ПРЕДШЕСТВОВАВШИМИ ПОЛЬСКИМИ МАНИФЕСТАЦІЯМИ ВЪ ВИЛЬНѢ ВЪ 1861—1863 ГОДАХЪ.

Изъ дѣлъ Виленской слѣдственной коммиссіи, по политическимъ дѣламъ.

СОСТАВИЛЪ

Н. ЦЫЛОВЪ.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

DK436
.5
.S5T7

Дозволено Цензурою 5 Августа 1867 года. Вильна.

Судъ надъ самозваннымъ *воеводою Литовскимъ и Ковенскимъ Сѣраковскимъ* и его казнь въ Вильнѣ были для Вильны заключительнымъ актомъ польской трагикомедіи вооруженнаго мятежа,— актомъ печальнаго, но не умолимо—неизбѣжнаго воздаянія правосудія главному вождю мятежническихъ шаекъ въ Сѣверозападномъ краѣ,— на поученіе мѣстнымъ ревнителямъ и пособникамъ мятежа.

Вильна была важнѣйшимъ, послѣ Варшавы и Петербурга, пунктомъ мятежной организаціи.— Здѣсь существовалъ задолго еще до вооруженнаго мятежа свой мятежный комитетъ, подъ именемъ отдѣла, управляющаго Литовскими провинціями. Изъ членовъ этого комитета обнаружены: *Яковъ Гейшторъ*, *Антонъ Еленскій*, князь *Гедройцъ*, *Францъ Далевскій*, *Людвигъ Звирждовскій* (*Топоръ*), *Александръ Оскерко*, *Клечковскій*, и нѣк. др.— *Малаховскій*, бѣжавшій изъ Вильны послѣ неудачнаго покушенія на жизнь Губерн-

скаго Предводителя Дворянства Домейко, былъ начальникомъ г. Вильны. Вообще ко времени этого событія, по показанію одного изъ участниковъ замысла, въ Вильнѣ было до 80 лицъ, непосредственно служившихъ дѣлу возстанія. Тоже дѣло привело къ обнаруженію существовавшей въ Вильнѣ мятежнической тайной полиціи жандармовъ вѣшателей, во главѣ которой стоялъ тогда Домбъ.

Виленскій польскій комитетъ служилъ дѣлу вооруженнаго возстанія деньгами и ближайшимъ распредѣленіемъ въ шайки офицеровъ, высылавшихся сюда изъ Петербурга и другихъ мѣстъ. Кромѣ здѣсь собранныхъ разными путями, не исключая и насилія, денегъ, сюда высылались онѣ и изъ Петербурга отъ Огрызки и его пособниковъ; такъ что здѣсь, наприм. *Киневичъ* получилъ 15,000 руб. сер. даже на возбужденіе южнорусскаго возстанія въ приволжскихъ губерніяхъ. А касательно распредѣленія офицеровъ въ шайки, въ одномъ изъ показаній члена Варшавскаго ржонда мы читаемъ между прочимъ, что Виленскій комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи столько офицеровъ, что не зналъ, куда посылать ихъ (*). И не мудрено; вслѣдъ за Сѣраковскимъ выслано сюда до 1000 офицеровъ.

(*) „Іосафатъ Огрызко“ стр. 67.

Не удивительно, что при такой организаціи мятежа въ г. Вильнѣ этому городу пришлось видѣть не мало болѣе или менѣе дерзкихъ польскихъ выходокъ и манифестацій....

Впрочемъ разсказанные нами, въ предлагаемой вниманію читателей брошюрѣ, факты революціонной польской дѣятельности въ Вильнѣ составляютъ лишь болѣе яркую и болѣе интересную часть дѣлъ, изслѣдованныхъ слѣдственною Коммиссіею.

Излагая эти факты мы также не считали нужнымъ вводить въ нашъ разсказъ общихъ дѣлъ и общей организаціи послѣдняго польскаго мятежа, такъ какъ главная руководящая нить его, общій планъ дѣйствій, характеръ и общій составъ организаціи съ ея *тройками*, *десятками* и *сотнями*, съ ея гражданскими и военными властями, въ настоящее время уже довольно общеизвѣстны изъ повременныхъ изданій и брошюръ, и изъ послѣднихъ—особенно изъ брошюры „Іосафатъ Огрызко и Петербургскій ржондъ“, и изъ книги „Польская Эмиграція.“

Что касается значенія нашей брошюры, то мы думаемъ, что и русскій читатель и отуманенный еще полякъ найдутъ въ ней назиданіе, читая въ ней притомъ не наши разсужденія, а почти голое изложеніе

совершившихся фактовъ.... Вѣдь Русскіе сосѣди поляковъ бываютъ подъ часъ такъ невнимательны и неосторожны,... а Поляки такъ много разсчитываютъ на свою скрытность и таинственность, а отсюда—на безнаказанность ихъ выходокъ... Для послѣднихъ, впрочемъ, мы помѣщаемъ въ заключеніе разсказа и прямое назиданіе, писанное для нихъ ихъ же собратомъ.

Во всякомъ случаѣ непростительно, думаемъ, было бы съ нашей стороны не повѣдать будущимъ историкамъ фактовъ, раскрытіе и разъясненіе которыхъ судьба послала на нашу долю. По крайней мѣрѣ смѣло можемъ счесть нужными для исторіи нѣкоторые изъ нихъ....

1861 годъ.

I.

Еще въ 1860 году появились въ Вильнѣ разныя революціонныя брошюры и стихи въ кругу польской молодежи. Виленская Слѣдственная Коммиссія производила въ то время слѣдствіе надъ нѣсколькими молодыми людьми и узнала о существованіи въ г. Вильнѣ тайныхъ обществъ и замысловъ.

Ученикъ Виленской гимназіи изъ мѣщанъ, *Викентій Витковскій*, по собственнымъ отвѣтамъ и другимъ указаніямъ, хотѣлъ составить общество для заявленія ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, въ пріѣздъ ЕГО въ Вильну, неудовольствія за неоткрытіе здѣсь Университета. Для этой цѣли Витковскій нанялъ особую скрытую квартиру, приглашалъ къ себѣ студентовъ, учениковъ гимназіи и ремесленниковъ, угощалъ ихъ, пѣлъ въ такихъ собраніяхъ патріотическія польскія пѣсни, и склонялъ ремесленниковъ къ участію въ освобожденіи *ойчизны*. Затѣмъ онъ написалъ возму-

тительнаго содержанія брошюру и стихи. Первая была подъ заглавіемъ: „будемъ любить другъ друга“, и начиналась такъ:

„И польется кровь палачей, какъ полный потокъ;
И спадутъ съ своихъ поднебесныхъ престоловъ деспоты,
И солнце свободы озолотитъ всю землю.“

Главная мысль брошюры—та, что Польша не умерла, но спитъ во гробѣ, въ болѣзняхъ мученичества.

А стихи, писанные въ Вильнѣ 23-го Апрѣля 1860 года, подъ заглавіемъ: „тосты,“ начинаются такъ:

„Нальемъ чарки, подадимъ другъ другу руки!
„Пусть соединитъ насъ единодушіе и согласіе!
„Да окончимъ уже время неволи!
„Да увѣнчаетъ чело наше лавръ свободы! и пр.

Подобнаго рода брошюръ и стиховъ послѣ много представлено было въ Коммиссію.

8-го Мая 1861 года въ Виленскомъ Римско-Католическомъ Каѳедральномъ Соборѣ, по случаю храмоваго праздника Станислава, во время Литургіи, которую совершалъ Виленскій Епископъ Красинскій, въ первый разъ въ г. Вильнѣ открыто запѣли революціонный гимнъ:

„Боже, Который Польшу столь многіе вѣка
„Озарялъ блескомъ могущества и славы,

„И охранялъ щитомъ Своего покрова
„Отъ несчастій, угрожавшихъ ей гибелью!

„Предъ Твои олтари возносимъ моленія:
„Возврати свободу и отечество,
„Освободи отъ цѣпей москальскихъ,
„И поспѣши подать помощь нашимъ предпріятіямъ!

„Ты, Который впослѣдствіи, будучи тронутъ ея паденіемъ,
„Содѣйствовалъ могущественно ея святому дѣлу,
„И желая имѣть весь свѣтъ свидѣтелемъ ея могущества,
„Самыми несчастіями увеличилъ ея славу,
„Предъ Твои олтари и пр.

„Ты, Который наконецъ новыми чудесами
„Воскресилъ ее, и два геройскіе народа,
„Славные дотолѣ своею взаимною враждою,
„Соединилъ подъ однимъ скипетромъ Ангела мира.
„Предъ Твои олтари! и пр.

„Возврати новой Польшѣ древнюю славу
„И да будутъ въ ней счастливы,
„Да процвѣтаютъ два слившіеся народа
„И да благословляютъ царствованіе нашихъ сплеменниковъ.
„Предъ Твои олтари и пр.

Въ костелѣ было до 2-хъ тысячь народа. Болѣе другихъ обратили на себя вниманіе громкимъ неисто-

вымъ крикомъ студенты университетовъ, Петербургскаго—*Викторъ Пашковскій*, Московскаго—графъ *Казиміръ Тышкевичъ* и *Александръ Зельверовичъ*, бывшій студентъ Дерптскаго Университета *Лимановскій*, называющійся докторомъ *Дыбовскій* и житель Царства Польскаго, отставной прапорщикъ *Станишевскій*. Всѣ они были арестованы. Тогда толпа женщинъ, числомъ около 50, явилась къ Генералъ-Губернатору съ ходатайствомъ объ освобожденіи арестованныхъ, а на другой день пришла уже съ настойчивостью повторить свою просьбу, и разошлась только изъ боязни и стыда быть облитою прибывшею пожарною командой. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ, видимо руководившія толпою и болѣе дерзкія въ обращеніи и разговорѣ, были высланы изъ Вильны въ свои имѣнія, съ запрещеніемъ возвращаться въ Вильну.

17-го Мая, въ Остробрамскомъ костелѣ, послѣ вечерни, которую совершалъ также Епископъ Красинскій, ученики Виленской гимназіи, въ числѣ 30 человѣкъ, пропѣли съ неистовыми криками вышеписанный же гимнъ. За тѣмъ тотъ же гимнъ пропѣтъ былъ гимназистами предъ статуею Богоматери у Францисканскаго костела и наконецъ въ костелѣ Св. Іоанна, при огромномъ стеченіи колѣнопреклоненнаго народа. А 23-го Мая гимназисты пѣли гимнъ предъ тою же статуею, уже съ хлыстиками въ рукахъ.

Съ этого времени дерзость учениковъ гимназіи стала проявляться бранью и оскорбленіями особенно по-

лицейскихъ чиновниковъ, и вообще русскихъ людей.

Скоро къ гимназистамъ и студентамъ присоединились въ этомъ женщины и затѣмъ чиновники польскаго происхожденія, а наконецъ и остальной народъ, разумѣется, изъ поляковъ католиковъ. Полицейскіе чиновники стали подвергаться съ этихъ поръ не только брани, но и насилію толпы; въ нихъ стали бросать камнями.

До 20-го Іюня пѣніе гимновъ предъ образомъ Остробрамской Богоматери на улицѣ начиналось обыкновенно по окончаніи литаніи и по закрытіи образа занавѣсью; а съ этого числа начали пѣніе при зажженныхъ свѣчахъ, при чемъ и ксендзъ въ священническомъ облаченіи становился на колѣни. Съ Іюля пѣніе происходило уже на всѣхъ улицахъ.... Толпы увеличивались и начали устраивать огромныя манифестаціи въ загородныхъ мѣстахъ.

Но прежде разсказа объ этихъ манифестаціяхъ, для того, чтобы понять ихъ происхожденіе, остановимся на дѣятельности въ это время Виленскаго дворянства и католическаго духовенства.

II.

9-го Іюня 1861 года, въ Вильнѣ происходилъ выборъ Уѣзднаго Предводителя Дворянства, на мѣсто уволеннаго по Высочайшему повелѣнію графа Ивана Тышкевича, за его неблагонамѣренность.

Не смотря на предъупрежденіе Генералъ-Губернатора—дворяне, приступивъ къ баллотировкѣ кандидатовъ, по предложенію одного изъ присутствовавшихъ, бывшаго аптекаря, помѣщика *Карла Вагнера*, прежде всего постановили: немедленно написать отъ лица всѣхъ дворянъ уѣзда благодарственный адресъ бывшему Предводителю Дворянства графу Тышкевичу. При этомъ другой помѣщикъ—*Болеславъ Еленскій* прочиталъ собранію заранѣе уже изготовленный адресъ и предложилъ его къ подписанію дворянству. *Вагнеръ*, *Еленскій*, *и Гриневецкій*—три главные руководителя, сперва просьбами, а потомъ настойчивыми требованіями успѣли, изъ 66 присутствовавшихъ въ собраніи дворянъ, $^2/_3$ склонить къ подписи. Адресъ подписанъ былъ даже и вновь избраннымъ ими Предводителемъ *Александромъ Ваньковичемъ*.

Недаромъ же, стало быть, Огрызко говорилъ въ своемъ показаніи, что, въ бытность его въ это время въ Вильнѣ, ему дѣлаемо было предложеніе отъ знакомыхъ ему столбовъ польскаго мятежа—принять участіе въ ихъ мѣстной организаціи.... Адресъ Тышкевичу, уволенному за неблагонамѣренныя дѣйствія по Высочайшему повелѣнію, дѣйствительно могъ быть дѣломъ только мятежной организаціи.

Тышкевичъ,—Предводитель Дворянства,—дозволилъ себѣ стать во главѣ политическихъ агитаторовъ. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, онъ старался привлечь на свою сторону ремесленниковъ, и для того нѣкото-

рымъ изъ нихъ дѣлалъ визиты, прося и у нихъ взаимнаго посѣщенія; одного изъ нихъ, портного Коровая, представлялъ женѣ, угощалъ и обязалъ провести цѣлый вечеръ въ своемъ семействѣ. На праздникъ Пасхи онъ приготовлялъ обѣдъ на 1500 человѣкъ ремесленниковъ и простолюдиновъ (*). А жена графа Тышкевича принимала участіе въ сборѣ денежныхъ пожертвованій въ пользу семействъ убитыхъ въ Варшавѣ.

Въ то же время помѣщица *Матильда Бучинская* раздавала денежныя вспомоществованія и жизненные продукты въ низшихъ классахъ народа, обязывая при этомъ всѣхъ носить трауръ по убитымъ въ Варшавѣ. А деньги добывала Бучинская посредствомъ особаго сбора. Остановимся нѣсколько на этой исторіи.

Въ концѣ 1859 года, Виленская дворянка *Матильда Бучинская*, возвратясь въ Вильну изъ Парижа, распространила между здѣшними дамами высшаго круга, польскаго происхожденія, мысль объ образованіи общества для вспомоществованія бѣднымъ, на подобіе Парижскаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ Св. Винцентія де Поль. Принявъ на себя дѣятельную роль въ учрежденіи этого общества, Бучинская обратилась о томъ съ просьбою къ католическому Епископу Красинскому и представила чрезъ него уставъ общества на утвержденіе начальства.

Не получивъ разрѣшенія, Бучинская сама обрати-

(*) Обѣдъ этотъ былъ предупрежденъ Полиціею.

лась къ покойному католическому Митрополиту въ Санктпетербургѣ *Жилинскому*, съ просьбою ходатайствовать о скорѣйшемъ утвержденіи устава. Когда же Жилинскій отвѣтилъ, что Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи законовъ, не можетъ разрѣшить существованіе подобнаго общества, Бучинская и соучастницы ея рѣшились самовольно открыть дѣйствія общества, не ожидая разрѣшенія Правительства; при чемъ принятъ былъ въ руководство уставъ общества Св. Винцентія де Поль, напечатанный въ Варшавѣ.

Въ открытіи общества принялъ дѣятельное участіе Виленскій Епископъ *Красинскій*. Впослѣдствіи же въ пользу его онъ жертвовалъ деньги, и участвовалъ, въ Январѣ 1862 года, въ его собраніи, при чемъ всѣмъ членамъ его простилъ грѣхи.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ оказалось, какой цѣли служило общество.... Какъ мы уже сказали, милостями этого общества пользовались лишь тѣ, которые соглашались носить трауръ, а затѣмъ, (какъ оказалось), болѣе другихъ принимать участіе въ пѣніи запрещенныхъ гимновъ въ костелахъ и въ уличныхъ манифестаціяхъ.

Правда, Начальство, 14-го Апрѣля 1861 года, закрыло это незаконно-существовавшее и притомъ явно неблагонамѣренное общество, а предсѣдательницу его Бучинскую выслало изъ г. Вильны въ имѣніе, но общество отъ этого не остановило своихъ дѣйствій, а признавая отсутствующую Бучинскую по прежнему своею предсѣдательницею, вручило окончательную власть на

совѣщаніяхъ Духовному Директору Братства ксендзу *Шилейко.*

Каждой вступающей въ общество дамѣ выдавался патентъ за подписью Директора ксендза Шилейко и предсѣдательницы Бучинской. Въ этомъ патентѣ говорилось, между прочимъ, и объ отпущеніи грѣховъ дамамъ милосердія, дарованномъ Св. Отцомъ Піемъ IX 16-го Іюля 1850 года. (Опускаемъ самыя статьи этого отпущенія грѣховъ, какъ извѣстныя).

Такъ существовало это общество до конца 1863 года, когда оно окончательно закрыто, послѣ произведеннаго о немъ слѣдствія.

Цѣли же возстанія служили и другія общества, напр. общество младшихъ сестеръ нищихъ, общества трезвости и т. подоб. Въ нихъ дѣятельное участіе приняло католическое духовенство.

Особенно же ревностно въ это время распространяли въ Вильнѣ мысль о возстаніи Виленскіе ксендзы: *Гундіусъ* и *Булашъ*. А сборы денегъ по костеламъ, подъ разными предлогами, производились и многими другими лицами изъ духовенства.

Впрочемъ факты открытаго дѣятельнаго участія лицъ изъ мѣстнаго католическаго духовенства въ дѣлѣ возбужденія или помощи мятежу,— прямой или косвенной, будутъ по мѣстамъ излагаемы ниже въ хронологическомъ порядкѣ.— Теперь же возвращаемся къ бобѣе и болѣе усиливавшимся, подъ указанными сейчасъ вліяніями, манифестаціямъ.

III.

31-го Іюля 1861 года, по окончаніи пѣнія революціоннаго гимна предъ Остробрамскою иконою Богоматери, дворяне Дисненскаго уѣзда *Гайдамовичь* и *Юхневичь* закричали: „Господа братья! пожалуйте на Бельмонтъ! (*). Народъ направился туда.— Собравшихся тамъ было около пяти тысячь человѣкъ (**). Часть изъ нихъ остановилась на площадкѣ при гостинницѣ, а другая часть была въ лѣсу. У гостинницы начались танцы; богатыя и знатныя дамы танцовали съ ремесленниками. Танцы сопровождались неоднократными криками: „Niech żyje Polska, Wiwat bratersłwo, niech żyją Rzemieslnicy“!, при чемъ народъ кричалъ: ура! Танцами заправлялъ чиновникъ Гражданской Палаты *Невядомскій*, который не разъ провозглашалъ здѣсь: „Jeszcze raz Polonez na pohibel Moskwy.“ (Еще разъ полонезъ на гибель Москвы). Когда же кто-то изъ толпы вскричалъ: „шпіоновъ на висѣлицу,“ — отвѣтомъ на это было общее ура!— Затѣмъ пѣли на Литовскомъ и Польскомъ языкахъ: „Jeszcze Polska niezginęła“ и „Marsz, marsz Polacy!“

Лѣсная партія упражнялась также въ пѣніи гимновъ, и свое пѣніе заключила даже ружейнымъ выстрѣ-

(*) Подгородная мѣстность лѣтнихъ прогулокъ и дачь въ верстѣ отъ Вильны, или не много далѣе.

(**) Приглашеніе было сдѣлано голосами изъ толпы и въ костелахъ; оттого такъ много собралось народа.

ломъ. А какой-то *Юхневичъ* держалъ здѣсь такую рѣчь къ ремесленникамъ: „Не бойтесь шпіоновъ, мы грудью защитимъ васъ, приходите въ воскресные дни въ одинъ *назначенный* костелъ, мы тамъ помолимся Богу!“ Ура! было отвѣтомъ оратору.

Бывшій на этомъ гуляньѣ, одѣтый въ форменный мундиръ, графъ *І. Тышкевичъ* за слова: „дальше, дальше!“ былъ поднятъ толпою на руки, съ криками: “Ура!“

Заключеніемъ этого гулянья было угощеніе дамъ въ самой гостинницѣ, а за тѣмъ производилась складка денегъ.

Другая большая манифестація была 4-го Августа, въ 8 часовъ вечера, предъ фигурою Спасителя, на форштатѣ Снипишкахъ. Тамъ собралось до 3-хъ тысячь человѣкъ изъ разныхъ сословій. Здѣсь также пѣли обычный гимнъ. Во время пѣнія раздались въ толпѣ голоса: „шпіонъ, шпіонъ!“ Толпа потребовала указать его; особенно сильно и нетерпѣливо было желаланіе дамъ, поднявшихъ крикъ: „укажите, подайте намъ его!“ Въ это время въ толпѣ схватили не знакомаго человѣка, и потащили внизъ съ горы, при чемъ многіе били его, чѣмъ попало, съ криками: „бросить его въ рѣку, повѣсить его!“ Но скоро оказалось, что это былъ полякъ Давидовичъ, передъ которымъ и незамедлили извиниться въ томъ, что его побили въ припадкѣ энтузіазма. Произшедшій при этомъ случаѣ безпорядокъ, крикъ, шумъ и давка заставили толпу раз-

бѣжаться. Такъ раздражена была толпа, такъ усердно искала повода къ безпорядкамъ, пожалуй, кровавымъ, чѣмъ и кончилась бы, безъ сомнѣнія, исторія съ мнимымъ шпіономъ, если бы скоро не узнали его.

Но самая дерзкая манифестація, дошедшая до столкновенія съ войскомъ, была 6-го Августа.— Съ опредѣленною, конечно, цѣлію, распространена была молва, что въ Вильну, изъ Царства Польскаго, чрезъ Ковно, идетъ процессія, и что мѣстные жители должны выдти къ ней на встрѣчу за городскую заставу. Эти слухи, при всей ихъ неправдоподобности, взволновали городское населеніе. Любопытные стали ежедневно ходить на указанное предмѣстье Погулянку для встрѣчи процессіи, и неразъ, прождавъ напрасно, спокойно возвращались въ свои дома. Но увѣренность въ прибытіи процессіи была такъ тверда, что многіе отправлялись для встрѣчи ея за 15 верстъ отъ города.— Между тѣмъ молва имѣла цѣлью произвести огромную манифестацію, на мѣстѣ казни преступника Канарскаго.— (Разстрѣлянъ 15 Февраля 1837 г.)

6-го Августа, толпы народа пробирались къ Троцкой заставѣ или окольными дорогами и тропинками за городъ.— Разнесся слухъ, что процессія прибудетъ къ 8 часамъ вечера. Волнующійся народъ, числомъ до 5 тысячъ, слившись въ одну сплошную массу, отправился на Погулянку.— Между тѣмъ здѣсь, у заставы, была поставлена рота пѣхоты; а тремъ другимъ ротамъ приказано быть на готовѣ за заставою, на слу-

чай необходимости.— Кромѣ того при ротѣ поставлена одна сотня казаковъ; другая заняла цѣпью ведущія сюда изъ города дороги. Увидавъ войско, толпа остановилась въ аллеяхъ, не доходя до заставы.— Другая большая толпа, въ которой немало было людей въ пьяномъ видѣ, послѣ гимна предъ Остробрамскою иконою, прибывъ къ заставѣ, потребовала, чтобы всѣ пробирались дальше. Дворянинъ, Виленскаго уѣзда, *Кржижевичъ*, убѣждая толпу идти впередъ, вмѣстѣ съ мастеромъ *Вельцомъ* и въ сопровожденіи значительной части толпы, бросились на взводъ пѣхоты, державшій ружья на руку, съ намѣреніемъ вырвать у солдатъ ружья и пробиться за заставу. Слѣдовавшая за руководителями толпа начала бросать въ войско большими каменьями, которые принесли въ карманахъ и подолахъ женщины, и какъ утверждали нѣкоторые изъ рядовыхъ, переодѣтые въ женское платье мущины.... Иные же бросились на взводъ съ кольями, взятыми изъ разобраннаго тутъ же частокола.— Двое изъ нижнихъ чиновъ были сильно ушибены при этомъ камнями и кольями. Солдаты весьма терпѣливо сопротивлялись ослѣпленнымъ, стараясь беречь ихъ, и только Кржижевичъ и Вельцъ были значительно зашибены прикладами; оба они тотчасъ же были задержаны и отправлены въ госпиталь на излѣченіе. Сотня казаковъ, бросившись на буйную толпу съ нагайками, принудила ее разбѣжаться по полю, и затѣмъ уйти въ городъ. При этомъ получили довольно сильные ушибы каменья-

ми и кольями Оберъ-Офицеръ, трубачь и три казака.

Толпа не унялось, направилась снова къ Остробрамской иконѣ, а отсюда, по Большой улицѣ, къ костелу Св. Іоанна съ пѣніемъ гимновъ,— и уже, должно быть, отъ нечего больше дѣлать, наконецъ разошлась.

Въ иностранныхъ газетахъ представили этотъ случай жаркимъ сраженіемъ, въ которомъ, будто бы, много пало убитыми, и много утоплено въ р. Виліи. А по краю разослано было воззваніе изъ Вильны о молитвѣ за упокой мнимыхъ убіенныхъ въ этотъ день и лишенныхъ должнаго погребенія. Вотъ оно:

Frères compatriotes! (*)

Le massacre des inoffensifs fut exécuté d'une maniére traîtresse. Notre defense est en Dieu. Pour les âmes de Martyrs, dont les corps ne furent pas honorès de la sainte sépulture, on chantera pendant trois semaines „l'Ange du Seigneur“ apres la sainte

(*) Братья соотечественники!

Совершилась злодѣйская рѣзня безвинныхъ. Наша защита въ Богѣ. За души мучениковъ, которыхъ тѣла не почтены святымъ погребеніемъ, будутъ пѣть впродолженіе трехъ недѣль, послѣ обѣдни „l' Ange du Seigneur“ (Anioł Pański). Пять стиховъ національнаго гимна мы будемъ пѣть къ Богу, во время дароприношенія, отъ *Oremus* до *Praefatio*. На насиліе отвѣтимъ безропотностью первыхъ христіанъ и святою молитвою, потому что въ этомъ наше спасеніе. 1861 г. Августа 6 въ Вильнѣ.

Епископъ и Пресвитеры.

Этотъ циркуляръ посланъ во всѣ приходы

messe. Les cinq versets de l' hymne national nous offrirons à Dieu, pendant l' offertoire depuis *Oremus* jusqu' à *Praefatio*. A la violence repondons par la résignation des premiers chretiens et par la saint prière, car c' est notre salut. 1861. 6 Août à Vilna.

L' évêque et les prêtres.

Cette circulaire est envoyée à toutes les paroisses.

Между тѣмъ по точнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ Виленскаго Предводителя Дворянства, отъ Городскаго Головы и отъ Полиціи, ни убитыхъ, какъ доносятъ они, ни утопленныхъ 6-го Августа не было.— И Кржижевичь и Вельцъ, отправленные въ госпиталь, чрезъ нѣсколько дней выздоровѣли и отправлены подъ арестъ въ цитадель.

А заупокойныя пѣнія объ убитыхъ совершались во многихъ костелахъ своимъ чередомъ.... Такъ значитъ, нужно было....

14-го Августа, въ Остробрамскомъ костелѣ ксендзъ говорилъ народу: „Народъ долженъ быть устойчивъ и терпѣливъ въ тяжкое время преслѣдованія церкви и христіанъ, подобно тому какъ терпѣли предки во время нападенія на города, раззоренія ихъ и всеобщаго убійства, и Всевышній Господь умилосердился и избавилъ ихъ. И теперь безъ сокрушенія и наказанія никто не можетъ быть спасенъ. Будьте мужественны и переносите все терпѣливо!“ А въ заключеніе прибавилъ: „за упокой погибшихъ пойте молитву Anioł

Pański.“ Приказаніе ксендза съ готовностію исполнено, гимнъ полчаса пѣтъ былъ съ воплями.

Въ тотъ же день Настоятель костела Св. Іоанна, ксендзъ *Гундіусъ*, послѣ проповѣди во время тихой службы, не велѣлъ играть, какъ бы слѣдовало, на органѣ, чтобы не мѣшать пѣнію того же гимна.

Послѣ разсказа о такихъ польскихъ выходкахъ въ Вильнѣ, конечно, уже нѣтъ надобности распространяться о манифестаціяхъ, въ родѣ траура, конфедератокъ, булавокъ и запонокъ съ польскими орлами, чемарокъ, жупановъ и т. под., тѣмъ болѣе, что все это было и въ другихъ мѣстахъ.

IV.

Съ объявленія, 25-го Августа 1861 года, военнаго положенія въ Вильнѣ открытыя манифестаціи Поляковъ стали уменьшаться. Распоряженіями центральнаго комитета, при содѣйствіи мѣстныхъ членовъ его и католическаго духовенства, возстаніе все еще поддерживалось, но приняло характеръ тайныхъ ожиданій и постояннаго напряженно—враждебнаго настроенія.

Даже пѣніе революціонныхъ гимновъ, не только на улицахъ, но и по костеламъ прекратилось.— Ухитрились только, для памяти, переложить на музыку національнаго гимна нѣкоторыя обыкновенныя пѣсни и гимны.— Эта музыка оставалась до половины Мая 1863 года. Прекратить пѣніе революціоннаго гимна реко-

мендовало слѣдующее, неизвѣстнаго происхожденія, воззваніе, 6-го Сентября 1861 года.

„Братья соотечественники!“ (*)

„Мученія и всякаго рода преслѣдованія и притѣсненія, дѣлаемыя врагами беззащитному польскому народу, обратили весь народъ къ стопамъ Предвѣчнаго, какъ единственнаго и вѣрнѣйшаго защитника и покровителя угнетенныхъ. Но молитва, высказанная откровенно и громко, въ гимнѣ: „Boże coś Polskę,“ сдѣлалась несносною гонителю.— Она напомнила ему и преступленіе, которое имъ совершено, и наказаніе въ будущемъ изъ рукъ Божіихъ, которое онъ заслужилъ. Чтобы принудить народъ къ оставленію этой молитвы, врагъ совершаетъ новыя мученія и преслѣдованія даже въ святыняхъ, и выдумалъ новые суды, гдѣ нѣтъ тѣни правосудія и справедливости, и подъ законнымъ видомъ производитъ грабежъ съ невинныхъ для увеличенія истощенной казны.“

„За тѣмъ, братья соотечественники, чтобы не оставить врагу и вида законности къ мученіямъ и грабежу, вмѣняется вамъ въ обязанность, чтобы на нѣкоторое время оставили громкое пѣніе по костеламъ національнаго гимна, а только говорили его въ извѣстное время, какъ тихую молитву; а вмѣсто того, послѣ Литургіи, пѣли псаломъ: „Богъ наше прибѣжище,“ и „Anioł Pański,“ за упокой мучениковъ, падшихъ въ

(*) Конечно,— замѣтимъ однажды и касательно другихъ приводимыхъ воззваній,— переводъ съ польскаго языка.

бою за независимость родины и беззащитно замученныхъ (?!!...) врагами. Во всѣхъ религіозныхъ пѣніяхъ, которыя обыкновенно совершаются народомъ, или въ начатыхъ ксендзомъ всѣ находящіеся въ храмѣ должны принимать участіе."

И ксендзовскія манифестаціи по костеламъ стали рѣже. Ксендзы начали хитрить и увертываться.— Такъ когда Прелату Бовкевичу сдѣланъ былъ вопросъ, почему одинъ изъ ксендзовъ (между нѣкоторыми и другими, впрочемъ) не произносилъ обычной, по окончаніи Богослуженія, молитвы за благоденствіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Августѣйшаго Дома, Бовкевичъ отвѣчалъ: „Ксендзъ *Бѣщевскій*, служившій, 1-го Ноября, въ костелѣ Св. Іоанна Литургію, почувствовалъ внезапно слабость, и потому, по окончаніи Литургіи, установленной молитвы совершить не былъ въ состояніи".... Хорошъ отвѣтъ!...

Только недавно прибывшій изъ Петербурга въ Вильну, въ революціонномъ всеоружіи (*), ксендъ *Амвросій Шульцъ*, назначенный проповѣдникомъ въ Каѳедральномъ костелѣ, 12 Ноября произнесъ самую дерзкую проповѣдь. Въ ней онъ прямо укорялъ правительство за то, что оно будто бы угнетаетъ религію, оскверняетъ храмы, запрещаетъ молиться, и, отрывая отъ образа Богоматери молящихся, наполняетъ ими темницы. Ложь его до того была, должно быть, краснорѣчива, что

(*) При обыскѣ 13-го Ноября 1861 года, у него найдено революціоннаго содержанія и характера книгъ и брошюръ 59.

окружавшія каѳедру женщины самыми неистовыми голосами запѣли возмутительный гимнъ. Въ училищѣ революціи—костелѣ и на улицѣ въ это время было до 10 тысячь народа.

Эта проповѣдь была подготовленіемъ къ повсемѣстно предполагавшейся, но неудавшейся, огромной манифестаціи, 17-го Ноября. Въ Вильнѣ предполагалось, по совершеніи въ этотъ день во всѣхъ костелахъ торжественнаго Богослуженія, собраться на площади предъ домомъ Генералъ-Губернатора и требовать, чтобы Главный Начальникъ Края вышелъ къ народу для выслушанія его желаній, которыя затѣмъ представилъ бы въ адресѣ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

Написано было на польскомъ языкѣ и распространено слѣдующее объявленіе, касательно манифестаціи:

„День $^{29}/_{17}$ Ноября былъ первымъ днемъ народнаго возстанія въ 1830 году, въ которомъ Польша, въ присутствіи Бога и человѣчества, торжественно запротестовала противъ сдѣланныхъ злодѣяній разъединенія, и богатырскою битвой убѣдительно заявила, что никакой злой рокъ, никакое несчастіе не пошатнетъ вѣры въ будущность, и что въ предопредѣленный часъ она добьется своей свободы и правъ, у нея вырванныхъ. День этотъ въ нашемъ прошедшемъ составляетъ лучшее воспоминаніе о нашей дѣятельной жизни.“

„День $^{29}/_{17}$ Ноября есть тридцать первая годовщина Ноябрьскаго возстанія и какъ образъ близкаго возрожденія отечества есть день публичной радости.“

„Посему призываемъ всѣ провинціи и всѣ сословія Польши, въ этотъ праздничный день, торжествовать память великаго народнаго акта и помолиться небу общею молитвою о благотворномъ исполненіи душевныхъ своихъ желаній.“

„Трауръ въ этотъ день имѣетъ быть снятъ.„

„О разглашеніи и исполненіи этого объявленія взывается ко всѣмъ усерднымъ людямъ.„

На этотъ день, 17-го Ноября, сочинена была даже новая молитва,— на голосъ: „Боже, Ты, который Польшу.“ слѣдующаго содержанія:

„Всемогущій Боже! Въ память возстанія Польши, мы всѣ, чада Твои, возносимъ наши молитвы къ Твоему Престолу! Возврати прежній блескъ и могущество нашего отечества, возврати свободу цѣлому народу польскому!“

„Всемогущій Боже! когда польется кровь за вѣру предковъ нашихъ, за отнятыя права, подкрѣпляй силою Твоею насъ угнетенныхъ, да забьются сердца наши мужествомъ предковъ нашихъ; легіонъ же польскій, напутствуемый Тобою и предводительствуемый *Людовикомъ* (Мѣрославскимъ) да сразится съ тиранскимъ народомъ.“

„Пресвятый Боже! Сколько уже невинной польской крови пролилъ нашъ народъ въ нѣмомъ отчаяніи! Сколько этой крови пролито въ адской Сибири, гдѣ скитаются польскіе изгнанники! Свѣтъ надежды лучшихъ временъ съ каждымъ днемъ помрачается, но

сердце наше не перестаетъ возноситься къ Твоему Престолу.“

„Пресвятый Боже! сколько уже усилій и жертвъ понесли мы для возрожденія нашей Польши! Сколько перенесли мы страданій! Для прославленія Твоего имени, для сокрушенія нашихъ цѣпей, мы обагрили своею кровію Старый и Новый свѣтъ!“

„Всеблагій Боже! Неужели свѣтлыя надежды наши померкнутъ въ самомъ ихъ зародышѣ? А враги наши, разставляя намъ сѣти на каждомъ шагу, поколеблютъ нашу вѣру въ будущность? Но Ты, Праведный, защитишь насъ и дозволишь Мѣрославскому утвердиться въ Царствѣ.“

„Пресвятый Боже! Осѣни Твоей хоругвью чадъ Твоихъ, собранныхъ для возстановленія свободы Польши, неоткажи имъ въ Твоемъ покровительствѣ на пути браней и побѣдъ въ народномъ дѣлѣ, чтобы съ Тобою, Господи, и волею Твоею сокрушили мы послѣдніе призраки нашего ига!“

„Всемогущій Боже! Если уже совершилось призваніе наше и намъ суждено страдать вѣчно и обагрять землю кровію нашихъ мучениковъ, даруй намъ мужество—испить чашу страданій, и пускай уже Польская земля будетъ гробомъ нашимъ!“

Но предположенная большая манифестація, какъ мы сказали, не состоялась, и вообще революціонная дѣятельность въ концѣ 1861 года приняла болѣе скрытный характеръ. Эта скрытность дѣйствій, очевидно

разсчитанная и преднамѣренная, привела Правительство къ предположенію, что волненіе польскихъ умовъ стало успокоиваться, тѣмъ болѣе, что и посыпавшіеся въ концѣ 1861 года доносы Правительству при повѣркѣ не подтверждались. Можно предполагать, что самые доносы были присылаемы съ цѣлію убѣдить Правительство въ прекращеніи революціонной дѣятельности Поляковъ.

И такъ 1861 годъ въ Вильнѣ заканчивался наружнымъ спокойствіемъ; а что оно было только наружное,— это показали слѣдующіе годы.

1862 годъ.

Не много можно сказать объ этомъ годѣ, въ отношеніи къ Вильнѣ исключительно. Этотъ годъ прошелъ, какъ извѣстно, въ секретной организаціи возстанія, по инструкціямъ центральнаго комитета.— Кромѣ выбора лицъ организаціи—*десятниковъ*, *сотниковъ*, *тысяцкихъ* или *окружныхъ начальниковъ*, *воеводъ* и т. под. къ подготовительной революціонной дѣятельности этого года относились: сборы на возстаніе, производившіеся подъ разными благовидными предлогами, разжиганіе революціонныхъ страстей распространеніемъ подпольныхъ воззваній къ войску, (подъ заглавіемъ: „что надо дѣлать войску?“), къ духовенству („что надо дѣлать духовенству?“) и пр., заготовленія оружія и припасовъ. Перваго рода дѣятельностію отличались ксендзы—изобрѣтатели разныхъ пытокъ для нарушителей правилъ общества трезвости, послѣднимъ родамъ, кромѣ поляковъ, причастились и евреи, какъ напр. *Зельманъ Ландо*, изъ Варшавы, не только распространялъ разныя воззванія по Западному краю, но и самъ писалъ ихъ, а *Лейба Цалкисъ* провозилъ по Рижско-Динабургской дорогѣ 25 пудовъ пороху, для вооруженнаго мятежа.

Вѣнцемъ же дѣятельности было, конечно, формированіе вооруженныхъ шаекъ. Въ концѣ Іюля, именно 21-го числа, въ первый разъ замѣчена была въ Ви-

ленской губерніи и уѣздѣ вооруженная шайка изъ 15 всадниковъ. (въ м. Берштаны.)

Но какъ мы разсказываемъ только объ участіи г. Вильны въ мятежныхъ дѣлахъ послѣдняго возстанія, то, упомянувши о первой замѣченной шайкѣ, оставимъ въ сторонѣ вооруженный мятежъ, которому, разумѣется, не могло быть мѣста въ Вильнѣ и даже близко къ ней, какъ къ центру военной Русской силы въ Западномъ краѣ.

Тѣмъ не менѣе, конечно, не лишними были, какъ Виленскіе Поляки—въ шайкахъ, такъ и Виленскіе безпорядки, или, по крайней мѣрѣ, Виленское напряженно-возбужденное настроеніе—въ дѣлѣ мятежа. Въ случаѣ малѣйшихъ успѣховъ мятежа это, конечно, было бы необходимо вождямъ его. Для той и другой цѣли отъ времени до времени присылались въ Вильну письма и воззванія. Вотъ одно изъ нихъ для образчика:

A Monsieur Casimir Szuksta
Etudiant de l' institut des nobles
à Vilna.

Спбургъ, 25 Марта 1862 г.

„Зная хорошо твои благородныя чувства къ отечеству, я долженъ обрадовать тебя новостію весьма утѣшительною для всякаго Поляка.“

„Вы, вѣрно, и недумаете, чтобы Поляки, состоящіе въ Русской военной службѣ, приготовлялись къ освобожденію отечества отъ ига, которымъ оно угнетено

немилосердо. Всѣ Поляки судятъ несправедливо о Полякахъ, состоящихъ на службѣ; ибо сіи послѣдніе мыслятъ, какъ хорошіе Поляки и самые истинные патріоты. А ежели мы носимъ кожу волковъ, то для пріобрѣтенія познаній въ военномъ искуствѣ,— а что можетъ быть нужнѣе въ настоящее время для Поляка? Потому говорю, что мы не заслужили презрѣнія со стороны патріотовъ—на словахъ, а когда наступитъ время возстанія, мы докажемъ это на дѣлѣ—въ полѣ. Почему тотъ, кто такъ строго судитъ, не подумаетъ, пріятно ли носить на плечахъ сію рубашку Деяниры? О, они очень ошибаются; я самъ примѣтилъ, что глаза нѣкоторыхъ смотрѣли на меня съ презрѣніемъ.“

„Поляки офицеры, находящіеся въ трехъ военныхъ академіяхъ: артиллерійской, инженерной и генеральнаго штаба, очень часто имѣютъ сходки, собираются у кого нибудь одного и разсуждаютъ о предметахъ, чрезвычайно важныхъ для будущности Польши. Два офицера генеральнаго штаба взялись писать польскую тактику, какъ войска менѣе образованныя должны воевать съ регулярными Русскими войсками. Мы будемъ имѣть много свѣдѣній о фортификаціи, о томъ, какія ставить препятствія Русскимъ войскамъ, какъ обучать военной службѣ партіи, и т. д., однимъ словомъ очень важныя наставленія во время....“

„Я познакомился недавно съ офицеромъ Полякомъ, выпущеннымъ изъ Виленскаго корпуса, подпоручикомъ *Рошковскимъ*. Это сильный духомъ Полякъ; рѣдко

встрѣтишь такого. Мы часто толкуемъ съ нимъ о вещахъ, касающихся освобожденія отечества, напр. я сказалъ ему однажды, что очень много баттарей стоитъ въ Царствѣ Польскомъ; а онъ на то отвѣчалъ съ улыбкою: „тѣмъ лучше, больше ихъ возьмемъ себѣ!“ Онъ крѣпко надѣется отбить около ста орудій. Въ 1831 году едва ли цѣлая польская армія имѣла столько орудій.... Если онъ такъ твердо увѣренъ, долженъ имѣть къ тому какое нибудь обдуманное средство. Я могъ бы сообщить тебѣ много важныхъ и очень утѣшительныхъ свѣдѣній.

На счетъ паспорта въ Краковъ не безпокойся. Я узнавалъ у студентовъ; много ихъ уѣхало за границу.... На сходкѣ молодежи Ковенской губерніи я видѣлъ *Дырмонта*. Онъ поздравляетъ тебя съ этимъ намѣреніемъ.— Онъ знаетъ Поляковъ, которые туда поѣхали. Пишутъ, что очень довольны, и приглашаютъ другихъ. Нынѣ бываютъ сходки молодыхъ учениковъ медицины изъ Литовскихъ губерній. Они намѣрены во время вакацій заводить крестьянскія училища; это самый кратчайшій путь къ примиренію крестьянъ съ помѣщиками.“

„Братъ Адольфъ.“

31-го Іюля въ день соединенія Литвы съ Польшею, также какъ и въ 1861 году, было во всѣхъ костелахъ молебствіе, но съ пѣніемъ обыкновенныхъ молитвъ. И на этотъ разъ не обошлось безъ воззваній, приклеенныхъ къ костеламъ. А ксендзы съ амвоновъ

заявили, что молебствіе 31-го Іюля будетъ заключаться въ испрошеніи хорошей погоды.... Какой погоды просили ксендзы, это обнаружилось изъ слѣдующаго воззванія:

„Братья!

„Что Богъ соединилъ, того не разлучитъ ни человѣкъ, ни злой духъ. — 293 года тому назадъ, Польша соединилась съ Литвою и Русью, Литовцами же освобожденною отъ ига татарскаго, какъ мужъ съ женою. Сія святая свадьба совершилась въ Люблинѣ и называется Уніею.“

„Годовщина этого праздника приходится 31-го Іюля (12-го Августа). Торжественно праздновали мы ее въ прошломъ году. Небыло ни одного прихода въ цѣлой землѣ Польской (какъ ни широка и ни длинна она), въ которомъ бы не праздновали сего великаго дня.“

„Приближается снова нашъ великій народный праздникъ; враги наши дрожатъ вспоминая его. Злѣйшіе Египетскихъ Фараоновъ, они готовятъ повозки, лошадей, пики и ружья, чтобы въ этотъ день обагрить кровію невинныхъ. Несчастные! Имъ кажется, что они угрозами и страхомъ принудятъ насъ отречься отъ вѣры, надежды и упованія на Бога. Братья! Богъ видитъ сердца наши, Богъ видитъ сердца народа своего. Богъ возвратитъ намъ отечество. Нынѣ Онъ уже видимо наказываетъ враговъ нашихъ. Прошлаго года въ годовщину нашего праздника почувствовали они, что

владычество ихъ у насъ кончается. Проникнутые злобою, они нападали на ксендзовъ, на женщинъ, на дѣтей, несущихъ хоругви и святыя иконы.— Нынѣ же убиваютъ и терзаютъ они самихъ себя на собственной своей землѣ, какъ бѣшеныя собаки. Намъ было худо, мы пѣли въ церквахъ и молились Богу. Имъ худо, они поджигаютъ другъ другу дома (*) и братъ у нихъ убиваетъ брата.“

„31-го Іюля соберемся мы въ костелахъ и часовняхъ, бросимъ лишь на этотъ единственный день трауръ; всякія работы въ полѣ и мастерскихъ будутъ прекращены; землевладѣльцы подарятъ крестьянамъ рабочую повинность, причитающуюся имъ за этотъ день; хозяева отпустятъ батраковъ, мастера—подмастерьевъ.“

„Братья! помолившись въ костелахъ, каждый воротится въ домъ свой, въ хижину свою, и будетъ праздновать этотъ великій народный нашъ праздникъ такъ, какъ Рождество и Свѣтлое Христово Воскресенье, благословитъ дѣтей, примирится съ тѣми, которые имѣютъ справедливыя причины считаться обиженными нами или оскорбленными; подѣлится съ нуждающимися, навѣститъ больныхъ, накормитъ голодныхъ.“

“Братья! 31-го Іюля есть годовщина великой и святой свадьбы Литвы съ Польшею. Что Богъ соединилъ, то человѣкъ не разлучитъ! Хорошо было Литвѣ и Польшѣ, пока ихъ чужіе люди не раздѣлили и са-

(*) Петербургскія пожары 1862 года.

ми у насъ не стали постоемъ. Каждый мужъ, любящій жену, каждая жена любящая мужа, всѣ тѣ, которые вступили, вступаютъ или хотятъ вступить въ брачный союзъ,— да помнятъ, что 31-го Іюля есть годовщина великаго брачнаго союза Литвы и Польши.“

„Братья! будемъ торжественно праздновать этотъ день и оставимъ пѣніе гимновъ и все то, что могло бы подать поводъ къ преслѣдованію насъ. Попросимъ Бога словомъ и дѣломъ, дабы Онъ далъ намъ свободу и избавленіе.

Варшава 1862 года,“

Праздникъ состоялся. Въ костелахъ было большое стеченіе народа, дамы были въ цвѣтныхъ платьяхъ, рабочій народъ гулялъ цѣлый день и пьянствовалъ; чиновники пировали за городомъ и также напились....

Въ Августѣ явилось въ Вильнѣ приглашеніе къ панихидѣ по казненнымъ въ Варшавѣ:

„Жители Вильны! (*)

„Вотъ въ это время цѣлое населеніе города Варшавы возноситъ свои молитвы предъ тономъ Предвѣчнаго Бога за души новыхъ мучениковъ: *Ярошинскаго*, *Рилля* и *Рженца*, которые пожертвовали своею жизнію въ неравномъ бою съ разбойниками и нахздниками нашей Польской земли.“

„Братья! не слѣдуетъ ли и намъ въ глубокомъ сми-

(*) Съ Польскаго.

реніи духа вознесть умилостивительный голосъ за нихъ къ Тому, Который, непостижимый въ своихъ опредѣленіяхъ, ведетъ Польскій народъ по дорогѣ крови и мучительства до свѣтлѣйшаго Воскресенія, пока наступитъ въ этой и будущей жизни пораженіе нашихъ враговъ и грабителей.“

„Соберемся же массой въ святыняхъ нашей Вильны, въ будущую пятницу (т. е. 24-го Августа), такъ какъ эти дни посвящены печальному молебствію за умершихъ.“

„Станемъ молиться, о братья! Станемъ молиться со всей силой нашего духа! Кто въ состояніи, пусть даетъ милостыню бѣднымъ, пусть и они помолятся за замученныхъ для отечества. Мѣсяцъ Августъ 1862 года.“

Воззваніе это найдено на площади каѳедральнаго собора, по показанію Феликса Колышко (Коллежскаго Регистратора), у котораго въ карманѣ оно очутилось.

Вслѣдствіе этого воззванія панихиды по государственнымъ преступникамъ совершались неоднократно, но секретно.

Остальныя выраженія мятежнаго настроенія въ 1862 году въ Вильнѣ могутъ вполнѣ быть названы школьническими продѣлками, какъ по своему характеру, такъ и потому, что были дѣломъ большею частію школьниковъ гимназистовъ.

Мы говоримъ объ оскорбленіяхъ, какимъ подвергались дамы, не носившія траура, и вообще лица рус-

скаго происхожденія. Цвѣтныя платья подвергались оплеваніямъ, обливались кислотой и нечистотами и даже разрывались. (напр. у жены жандармскаго офицера.) При встрѣчахъ съ Русскими людьми Поляки выражали свой патріотизмъ плевками.... Впрочемъ все это дѣлалось въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда патріоты чувствовали себя безопасными отъ уликъ, т. е. какъ говорится, изъ-за-угла или, по русской пословицѣ: кукишь изъ рукавицы....

Вообще, особенно къ концу 1862 года, внѣшнее поведеніе Виленскихъ Поляковъ не удовлетворяло усердныхъ агитаторовъ мятежа. Діаконъ Бернардинскаго костела *Новицкій*, въ своей проповѣди, въ костелѣ, высказалъ это недовольство въ такихъ выраженіяхъ: „нынѣ народъ упалъ духомъ, и если будете въ такомъ положеніи на дальнѣйшее время, то всѣ пропадете: еще есть время пробудиться, дѣйствовать смѣло и согласно; а Богъ намъ поможетъ.“

1863 годъ.

I.

Съ начала этого года во многихъ мѣстностяхъ Виленской губерніи появились вооруженныя шайки. Начался вооруженный мятежъ... На долю самой Вильны приходилось, конечно, помогать ему и морально—старыми средствами—воззваніями, проповѣдями и т. под, и матеріально—заготовленіемъ военныхъ припасовъ, при чемъ опять не обходилось безъ коммиссіонерства евреевъ. У еврея *Беніамина Лама*,— бронзовыхъ дѣлъ мастера, найдена, спрятанная подъ койкой, мѣдная машина о пяти гнѣздахъ для литья коническихъ пуль, которую, какъ онъ объявилъ, онъ купилъ у неизвѣстнаго ему еврея изъ деревни.... У нѣкоторыхъ Виленскихъ сапожниковъ, при обыскѣ 20-го Апрѣля, найдены и отобраны длинные сапоги, шитые для повстанцевъ.

Въ Февралѣ этого года былъ уже, какъ дознано, революціонный комитетъ въ Вильнѣ, распоряжавшійся пособіями вооруженному мятежу.

Ученикъ Виленской Гимназіи Станиславъ Осиповъ *Станевичъ*, 27-го Февраля былъ арестованъ въ Вильнѣ съ предписаніемъ мѣстнаго революціоннаго комитета, отъ 27 же Февраля, состоявшимъ въ томъ, чтобы

никто не отлучался изъ г. Вильны безъ письменнаго распоряженія комитета.

Кромѣ того въ началѣ Марта прусская подданная, жена Варшавскаго механика, Г-жа Винтерфельдъ объявила Виленской Слѣдственной Коммиссіи, что однимъ изъ важныхъ членовъ Виленскаго революціоннаго комитета состоитъ Виленскій дворянинъ *Эдмундъ Веригo*, раздававшій собиравшимся у него молодымъ людямъ разныя революціонныя воззванія и приглашавшій ее—Винтерфельдъ къ продажѣ и доставкѣ изъ заграницы оружія и пороха.— Таже Винтерфельдъ указала на лекаря *Стецевича*, тоже какъ на значительнаго члена Виленскаго комитета, который заказывалъ привозъ и покупку оружія и типографскаго станка съ винтовымъ прессомъ.

Наконецъ революціонный Виленскій комитетъ заявилъ о себѣ дѣйствіями своей тайной полиціи—или жандармовъ вѣшателей, сперва въ уѣздѣ, а потомъ въ самой Вильнѣ. Староста Дукшинскаго сельскаго общества Иванъ Томашевичъ былъ повѣшенъ, по распоряженію комитета, 10-го Мая, а брату его отрѣзанъ языкъ.— Исполнителями были крестьянинъ, шляхтичи и помѣщикъ *Маурицъ*.— (Изъ 6 лицъ *Маурицъ*, *Станкевичъ* и *Данилевичъ* скрылись, а трое—*Вашкевичъ*, *Мончунскій* и *Королькевичъ* пойманы и сознались.) Въ самой же Вильнѣ революціонная тайная полиція дала знать о себѣ извѣстнымъ покушеніемъ на убійство Предводителя Дворянства Домейко, при чемъ

узнанъ и составъ ея.— По раскрытіи этого событія, уже не могли быть исполняемы такія угрозы, какія получаемы были напр. чиновниками Палаты Государственныхъ Имуществъ въ предписаніи *начальника* города Вильны. Вотъ одно изъ нихъ:

Помѣщику Б.

„Принимая во вниманіе, что не смотря на двукратныя предписанія текущаго года, повелѣвавшія Вамъ немедленно оставить Московскую службу и не способствовать ордѣ въ дѣлѣ секвестраціи и конфискаціи имѣній, вы службы своей не оставили и назначены управлять секвестрованными имѣніями. Народное правительство повелѣваетъ тебѣ, Милостивый Государь, чтобы ты немедленно исполнилъ вышесказанныя предписанія, потому что въ противномъ случаѣ тебя ожидаетъ смертная казнь, какъ измѣнника отчизны.“

Начальникъ города Вильны.
(Фамилія не разобрана.)

При раскрытіи того же дѣла о Домейко открыты намѣренія комитета умертвить въ Вильнѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Такъ какъ прочія дѣла Слѣдственной Коммиссіи, относящіяся къ первой половинѣ этого года, не представляютъ, послѣ вышеописаннаго нами, особой важности и интереса, потому что дѣятельность революціонной Виленской полиціи еще не успѣла ознаменовать себя въ

Вильнѣ достойными себя дѣлами до покушенія на жизнь Домейко и предшествовавшаго ему убійства своего же собрата сапожника Рогалева, то мы обращаемся прямо къ разсказу объ этомъ событіи.

II.

30-го Іюля 1863 года, къ квартирѣ Предводителя Дворянства Домейко подошли три неизвѣстныхъ Виленскимъ жителямъ человѣка. Безъ остановки и разговора одинъ изъ нихъ отправился въ квартиру Домейко, а двое остальныхъ остались на улицѣ и спокойно и развязно болтали.— Первый, войдя въ переднюю квартиры, спокойно спросилъ у бывшаго здѣсь лакея: можно ли видѣть пана для личной передачи ему письма? Домейко былъ занятъ и велѣлъ попросить обождать. Неловко чувствовалъ себя получившій этотъ отвѣтъ.— Человѣкъ болѣе внимательный и опытный, пожалуй, и замѣтилъ бы сильное волненіе пришедшаго; но лакей, сказавши отвѣтъ, по обычаю, нѣсколько въ сторону, и не посмотрѣвши даже въ лицо незнакомца, необращалъ болѣе на него вниманія.

Прошло около получаса—срокъ очень длинный для настоящаго положенія ожидавшаго.... Въ такой срокъ успѣешь дойти до того, пожалуй, что захочется бѣжать отъ своего дѣла.... Но посланецъ выбранъ надежный, съ здоровыми нервами, и дождался, наконецъ, приглашенія войти. А все-таки, впрочемъ, долгое ожиданіе

желанной минуты взяло свое...: На вопросъ: „что вамъ угодно“ вошедшій не въ силахъ былъ спокойно сказать что нибудь, и молча подавая лѣвою рукою письмо, правою выхватилъ изъ заборта пальта кинжалъ и хотѣлъ поразить Домейко въ грудь. Но такъ уже ослабѣлъ отъ волненія, что Домейко успѣлъ лѣвою рукою отклонить ударъ, а слѣдующіе удары направлялись уже, помимо воли совсѣмъ обезпамятѣвшаго преступника, не туда, куда бы ему было нужно.... На шумъ вбѣжалъ лакей и сталъ ловить кинжальщика.— Опасность быть задержаннымъ заставила послѣдняго думать уже о своей защитѣ. Ударивъ, какъ могъ въ торопяхъ, кинжаломъ лакея, преступникъ бѣжалъ....

Кто—преступникъ?.... Съ одной стороны представлялся случай раскрыть цѣлую организацію Виленскихъ революціонеровъ.— Съ другой стороны жизнь въ Вильнѣ оказалась рискованною для всѣхъ, кто не нравился революціонерамъ. Было изъ—зачего взяться за отысканіе преступника....

Среди поисковъ случайно вызванъ былъ на откровенность Виленскій мѣщанинъ *Феликсъ Войцѣховскій*. Онъ сдѣлалъ такое показаніе:

„Мѣсяца два тому назадъ, я познакомился въ Вильнѣ съ Александромъ *Мирошниковымъ*, Константиномъ *Струбейкою*, Іосифомъ и Александромъ *Ревковскими*,

Карломъ *Сиповичемъ* и Іосифомъ *Яблонскимъ*. Всѣ эти лица, какъ и я, служатъ тайными полиціантами для исполненія приговоровъ мятежническаго комитета. Мирошникову опредѣлено 60 руб., прочимъ по 40 р. въ мѣсяцъ жалованья. Начальникъ полиціантовъ—*Домбъ*—такъ себя называющій. Онъ приводилъ насъ всѣхъ къ присягѣ на вѣрность службы. Мирошниковъ у него помощникомъ. Тайные полиціанты снабжены кинжалами, нѣкоторые же и пистолетами. Недавно братья Ревковскіе и Струбейко, возлѣ трактира Карлсбада (за городомъ), по приказу комитета, убили сапожника *Рогалева*, за то, что тотъ по возвращеніи изъ шайки Вислоуха, требовалъ 200 рублей, угрожая, въ случаѣ отказа, изобличить предъ законнымъ Правительствомъ до 80 человѣкъ, служащихъ въ Вильнѣ возстанію. Еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ полученъ приказъ польскаго комитета, убить Губернскаго Предводителя Дворянства Домейко за намѣреніе его писать адресъ ГОСУДАРЮ. Во исполненіе такого приказанія было предположено убить Домейко въ домѣ Вишневскаго, въ то время, когда Домейко пріѣзжалъ къ останавливавшемуся тамъ Губернатору Хоминскому. Убійство должны были совершить въ темномъ корридорѣ—Мирошниковъ, Сиповичъ и я—Войцѣховскій; но отъ этого я отговорилъ ихъ, убѣждая тѣмъ, что мы необезпечены обѣщанною за Домейко платою—1000 рублей. Послѣ того я пытался предупредить Предводителя Домейко о грозящей ему опасности, но Домейко меня не принялъ и нехотѣлъ взять

письма. При такомъ положеніи дѣлъ совершилось 30 Іюля покушеніе на умерщвленіе Домейко—нанесеніе ему и его служителю ранъ. Кто ранилъ Домейко, я не знаю; полагаю однако, что это сдѣлали Домбъ и Мирошниковъ.— Я же, неполучивъ обѣщаннаго комитетомъ жалованья, отказался служить ему и предложилъ свои услуги законному Правительству, при чемъ вызвался указать многихъ лицъ, возвратившихся изъ шайки и причастныхъ мятежу."

Указанныя Войцѣховскимъ лица, служившія полиціантами, всѣ арестованы, и каждый далъ о себѣ показаніе. Изъ этихъ показаній мы приведемъ лишь то, что они прибавляютъ новаго къ показанію Войцѣховскаго.

Мѣщанинъ Александръ Мирошниковъ (21 года), по собственному показанію, прибылъ въ Вильну въ Мартѣ 1863 года и встрѣтился здѣсь съ товарищемъ по воспитанію, чиновникомъ Уголовной Палаты, *Фаддѣемъ Бейнеромъ*, который уговорилъ его принять на себя обязанность шпіона революціоннаго комитета. По принятіи присяги отъ Домба, онъ получилъ отъ *Бейнера* 100 руб., для раздачи служащимъ по тайной полиціи. Бейнеръ настоятельно требовалъ отъ Мирошникова съ Войцѣховскимъ убить Предводителя Домейко за 1000 руб. серебромъ. По исполненіи злодѣйства Бейнеръ обѣщалъ его Мирошникова сдѣлать начальникомъ полиціи. Но онъ, стараясь избавиться отъ принятой службы, взялъ билетъ о болѣзни, и 26 Іюля поступилъ въ го-

спиталь Св. Якова, въ которомъ и былъ арестованъ.— Бейнеръ близокъ къ семейству аптекаря Хрусцицкаго, и, можно полагать, изъ его аптеки беретъ ядъ для отравы кинжаловъ и сонныя капли, какія намѣрены были дать слугамъ Домейко.

Дворянинъ Іосифъ Ревковскій, столяръ (36 л.), показалъ, что служилъ полиціантомъ, снабженъ былъ отъ Домба кинжаломъ, который, предъ покушеніемъ убить Домейко, у него отобранъ, и не былъ возвращенъ. Кто ранилъ Домейко, ему неизвѣстно, вѣроятно самъ Домбъ.

Дворянинъ Александръ Ревковскій (27 лѣтъ), взятый съ кинжаломъ за поясомъ и пистолетомъ, къ показанію брата прибавилъ, что имъ было приказано умертвить Частнаго Пристава Соболевскаго и Квартальнаго Вишневскаго.

Дворянинъ Іосифъ Яблонскій (20 л.), служилъ полиціантомъ, получилъ 20 руб. жалованья, но отъ исполненія злонамѣренныхъ порученій уклонялся, за что грозилъ ему Мирошниковъ.

Гражданинъ Карлъ Сиповичъ (19 лѣтъ), по наущенію нѣкоего *Верио*, отказался отъ всякаго сознанія, не смотря на улики товарищей по ремеслу.

Мѣщанинъ *Болеславъ Ломоновичъ* (23 лѣтъ), разсказалъ интересную процедуру вербовки въ полиціанты.

„У воротъ дома Есѣвича, на Зарѣчьѣ, столяръ Михаилъ Волкъ представилъ его неизвѣстному человѣку, который, вынувъ изъ кармана бумажку, написалъ что-то на ней карандашемъ, и, разорвавъ на двѣ ча-

сти, одну оставилъ у себя, а другую передалъ ему съ тѣмъ, чтобы онъ предъявилъ ее тому, кто покажетъ оторванную отъ нея половинку. На другой день онъ Ломоновичь, по приглашенію, пришелъ къ Ревковскимъ, куда прибылъ и неизвѣстный предъявитель оторванной половинки бумажки, и, сличивъ съ оставшеюся у него половинкою, сказалъ, что онъ Ломоновичъ поступаетъ въ тайную полицію и обязанъ исполнять все, что ему поручатъ. На другой день тотъ же человѣкъ привелъ его къ присягѣ. Послѣ же него завѣдывалъ полиціантами нѣкто Домбъ, который склонялъ его Ломоновича на убійство Пристава Соболевскаго и Квартальнаго Вишневскаго. Раза три онъ былъ въ сборѣ съ другими для убійства Предводителя Дворянства Домейко.“

Такимъ образомъ открылась нить Виленскихъ тайныхъ полиціантовъ или жандармовъ вѣшателей и нить, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣвшихъ порученіе убить Домейко. Но кто изъ нихъ именно ранилъ Домейко и его служителя?

Оказалось, что никто изъ помянутыхъ лицъ не былъ тѣмъ лицомъ, котораго искали, по поводу событія 30 Іюля.

Вскорѣ же послѣ этого событія, дворянинъ Владиславъ *Томулевичъ* задержанъ былъ полиціею съ письмомъ Бейнеру. Письмо оказалось слѣдующаго содержанія:

„Добрый панъ! Съ нетерпѣніемъ цѣлый день ожидали мы васъ вчера; извѣстная особа безпокоится объ

васъ; сегодня долженъ былъ искать васъ въ вашемъ домѣ, но не нашелъ (*); по полученіи этой записки прошу васъ придти. А. О. Домъ Савицкаго.“

А. О., въ домѣ Савицкаго, оказался *Осмольскій*, неслужащій дворянинъ, безъ всякихъ занятій проживавшій въ Вильнѣ. Съ нимъ въ его квартирѣ проживалъ, подъ названіемъ лавочника Квятковскаго, фельдшеръ *Марчевскій*, недавно прибывшій изъ Варшавы и всего нѣсколько дней проживавшій у Осмольскаго. Оба сожителя арестованы.

Наконецъ зорко наблюдавшее за выѣзжавшими изъ Вильны и прибывающими въ городъ, жандармское начальство, 5-го Августа подмѣтило и заподозрило двоихъ молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ требовалъ билета до Варшавы. При осмотрѣ его паспорта оказалось, что онъ выданъ 23-го Мая 1863 года въ Санктпетербургѣ на имя уволеннаго за границу кандидата Санктпетербургскаго Университета Михаила Лепковскаго.— Ему предложенъ былъ вопросъ: почему онъ прямо не ѣдетъ за границу? Когда онъ отвѣтилъ, что не имѣетъ пока для того денегъ, тогда пригласили его въ особую комнату для обыска.— У него оказалось 655 рублей... Не упущенъ при этомъ изъ виду и сопровождавшій Лепковскаго молодой человѣкъ. Его спросили о знакомствѣ съ Лепковскимъ; но молодой человѣкъ, пробормотавши нѣсколько словъ, упалъ въ обморокъ. Оба арестованы.

По разслѣдованіи дѣла оказалось, что Лепковскій

(*) Скрылся изъ Вильны.

былъ фельдшеръ *Янъ Беньковскій*, изъ крестьянъ, что вмѣстѣ съ Яномъ Марчевскимъ, тоже фельдшеромъ, онъ присланъ изъ Варшавы съ порученіемъ убить Предводителя Домейко; что сопровождавшій Беньковскаго былъ *Эдуардъ Чаплинскій*, бывшій аптекарскимъ ученикомъ у Московскаго аптекаря Келлера и выбывшій отъ него 23-го Марта; прибывъ въ Вильну, онъ состоялъ ближайшимъ агентомъ управлявшаго дѣлами Виленскихъ революціонныхъ полиціантовъ; что наконецъ, Осмольскій состоялъ при Бейнерѣ—второмъ послѣ начальника тайной полиціи лицѣ, замѣчалъ, по порученію послѣдняго, всѣхъ бывшихъ на иллюминаціи 22-го Іюля Поляковъ. Ранилъ Домейко—Янъ Беньковскій.— Сопровождали его на это дѣло до квартиры Домейко Марчевскій и Чаплинскій. Беньковскій, въ счетъ обѣщанной 1000 рублей, получилъ 655 рублей, которые главнымъ образомъ и выдали его.— Хотя Беньковскій предъ отправленіемъ въ Варшаву остригъ себѣ бороду и усы и выкрасилъ волосы, при содѣйствіи пана Юзефа, у котораго прожилъ три дня по совершеніи преступленія, одѣтый въ женское платье,—но не смотря на это признанъ былъ, какъ Домейкою, такъ и его служителемъ Вашкевичемъ. Когда Беньковскій при слѣдствіи введенъ былъ въ комнату къ Предводителю Домейко, то былъ потрясенъ такъ сильно, что едва слышенъ былъ у него пульсъ и все лице было въ судорожномъ движеніи, по наблюденію присутствовавшаго здѣсь доктора.

Изслѣдованіе дѣла о покушеніи на жизнь Предводителя Домейко привело, такимъ образомъ, къ раскрытію личнаго состава тайной революціонной полиціи въ г. Вильнѣ. Разумѣется, всѣ, неоткрытые или успѣвшіе избѣжать ареста, члены революціонной организаціи должны были послѣ того бѣжать, вслѣдъ за Бейномъ, и во всякомъ случаѣ оставить въ покоѣ Вильну отъ своихъ изувѣрствъ. Вильна стала успокоиваться.— Правда многочисленныя открытія у большей части городскихъ жителей—Поляковъ запаса пороха, пуль, ножей, кинжаловъ, острыхъ палокъ и огнестрѣльнаго оружія,— запасовъ, дававшихъ знать, что расчетъ былъ на всеобщее возстаніе, ясно обнаруживали, что въ случаѣ успѣховъ мятежа и всѣ сидѣвшіе пока по домамъ Поляки пристали бы къ возстанію. Но и съ этой стороны Вильна, уже незадолго прежде событія съ Домейкою, видѣла воочію фактическое назиданіе, и уже почти увѣрилась въ погибели напрасныхъ усилій вооруженнаго мятежа въ краѣ. Такимъ назиданіемъ былъ день 15-го Іюня 1863 года, день казни воеводы *Литовскаго и Ковенскаго Сигизмунда Сѣраковскаго.*

III.

15-го Іюня значительная часть жителей г. Вильны, *въ особенности женщинъ*, спѣшила на базарную площадь Лукишки. Что привлекало туда толпу? Странно какъ-то звучитъ въ подобныхъ случаяхъ отвѣтъ: „предстоявшая казнь преступника“... Но какой же при-

думаете лучшій и болѣе опредѣленный отвѣтъ, на мѣсто этого? Трудно разобрать всѣ разнообразныя побужденія разнородной толпы, наполняющей площади при такихъ событіяхъ...

Площадь была уже полна народомъ, когда на одномъ углу ея показались дрожки съ тремя человѣками. То были ксендзъ, госпитальный служитель и Сѣраковскій. Желтоватое, болѣзненное и въ обыкновенную пору, лицо его было совсѣмъ блѣдножелтое, а мутные обыкновенно глаза смотрѣли взглядомъ съумасшедшаго, съ выраженіемъ ужаса, волосы были въ безпорядкѣ. Сѣраковскій полустоялъ на дрожкахъ, опираясь одною рукою на ксендза, а другою на служителя. Барабанный бой, встрѣчавшій преступника, смолкъ, и мертвая тишина водворилась на всемъ пространствѣ, занятомъ войсками и народомъ. Когда прочитана была конфирмація съ ея заключительными словами: „казнить смертію черезъ повѣшеніе,“ Сѣраковскій закричалъ,— что онъ протестуетъ противъ приговора предъ лицомъ всей Россіи и Европы. Но бой барабановъ заглушилъ этотъ запоздалый и напрасный протестъ, послѣ того непреклоннаго упорства, съ какимъ преступникъ отвергалъ все, что могло послужить ему къ облегченію возмездія. Безсильна была и борьба преступника съ неизбѣжною необходимостію. Напрасно онъ размахивалъ руками во всѣ стороны, отталкивая палача, и упирался изо всей силы, когда палачь повлекъ его къ эшафоту. Петля надѣта и преступникъ въ саванѣ вздернутъ на воздухъ....

Вильна знала, вѣроятно, только то, что казненный былъ плѣнный предводитель шайки мятежниковъ, но не знала и не знаетъ ни всей его роли въ послѣднемъ мятежѣ, ни всего того кривого, несогласнаго съ долгомъ чести и присяги, пути, какимъ шелъ цѣлые годы этотъ преступникъ,— не знаетъ, стало быть, и всей мѣры его виновности. Разскажемъ, на сколько извѣстно намъ, о дѣятельности Сѣраковскаго.

Сигизмундъ Сѣраковскій, по происхожденію, былъ дворянинъ Волынской губерніи, по вѣрѣ—римско-католикъ.— Онъ воспитывался въ Санктпетербургскомъ университетѣ и уже здѣсь заявилъ свое направленіе, враждебное существовавшему порядку государственной жизни. Онъ былъ однимъ изъ членовъ политическаго польскаго кружка въ Петербургѣ въ 1848 и 49 годахъ; ему было тогда 22 года. Вмѣстѣ съ другими членами кружка онъ былъ уличенъ тогда и осужденъ. Желая избѣгнуть наказанія, Сѣраковскій хотѣлъ бѣжать за границу, но былъ пойманъ и сданъ въ рядовые въ Оренбургскій линейный баталіонъ; а въ 1857 году былъ помилованъ.— Сѣраковскій возвратился въ Петербургъ уже съ правами и поступилъ на службу въ генеральный штабъ, гдѣ достигъ капитанскаго чина. Въ этотъ періодъ времени онъ женился на дочери дворянина Виленской губерніи Долевскаго.— Служилъ Сѣраковскій успѣшно (Поляки умѣютъ служить успѣшно.... Образецъ—Огрызко), такъ что командированъ былъ отъ Правительства въ Парижъ въ собиравшійся тамъ отъ

всѣхъ державъ военно-статистическій комитетъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ по разсказу самаго Сѣраковскаго, его свѣдѣніями и работой остались весьма довольны, такъ что будто бы Императоръ Наполеонъ III лично просилъ Сѣраковскаго заняться составленіемъ военно-статистическихъ свѣдѣній для Франціи, по той самой системѣ, которую Сѣраковскій предложилъ, и по которой составилъ свѣдѣнія для Русскаго Военнаго Министерства. За границей, по разсказу Сѣраковскаго, онъ видѣлся съ Гарибальди и принятъ былъ имъ внимательно и ласково.— А главное—за границей—то онъ, вѣроятно, до мозга костей пропитался идеями Польскихъ эмигрантовъ и запасся разнообразными инструкціями. Въ Петербургѣ въ 1859—60 годахъ подъ вліяніемъ Сѣраковскаго стали организоваться военный и статскій революціонные кружки.— Онъ познакомился со всѣми Поляками—офицерами генеральнаго штаба и усердно знакомилъ ихъ другъ съ другомъ. Сѣраковскій стыдилъ ихъ, что они забыли свой языкъ, давалъ имъ разныя польскія книги и газеты и, между прочимъ, Лондонскій Колоколъ и вообще по немногу подготовлялъ ихъ къ дѣлу возстанія.— Самъ Огрызко считалъ за честь познакомиться съ Сѣраковскимъ для того, чтобы чрезъ него сноситься съ военнымъ кружкомъ, а чрезъ командируемыхъ въ Западный Край офицеровъ въ свою очередь сноситься съ тамошними мѣстными дѣятелями польской справы.

За тѣмъ усердіемъ Сѣраковскаго организованы бы-

ли собранія польской молодежи въ одномъ кружкѣ, подъ предсѣдательствомъ избраннаго президента. Самъ онъ, впрочемъ, рѣдко являлся въ эти собранія, какъ и подобало великому столбу польскаго будованія, чтобы не поторопиться скомпрометировать себя,— такого нужнаго человѣка,— участіемъ въ собраніяхъ неосторожной и неопытной молодежи.— Такъ шли дѣла въ Петербургѣ до возстанія.

Какъ скоро польскія смуты перешли въ вооруженное возстаніе, Петербургскій революціонный комитетъ распорядился попросить (не смѣемъ выразиться: послать) Сѣраковскаго (бывшаго уже въ отставкѣ) отправиться въ Западный Край, въ сопровожденіи другихъ офицеровъ— Поляковъ, для предводительствованія здѣсь вооруженнымъ возстаніемъ.— Сѣраковскій явился сюда въ качествѣ воеводы Литовскаго и Ковенскаго, какъ видно изъ его подписей на бумагахъ, впрочемъ, не подъ своимъ именемъ, а подъ псевдонимомъ *Доленго*.

Въ короткій періодъ своего воеводства Сѣраковскій успѣлъ повѣсить пятисотскаго въ м. Субочь, Ковенской губерніи, и сжечь бумаги сельскаго управленія въ мѣстечкѣ Скопишкахъ, той же губерніи.

По разсказу самого Сѣраковскаго, нѣсколько хвастливому, онъ вышелъ изъ Ковно всего съ тремя человѣками и весьма быстро сформировалъ тысячную шайку. „Наше шествіе, говорилъ онъ, было тріумфальное: c'était une protestation sanglante! Вездѣ насъ встрѣчали, какъ семью. Крестьянки приводили своихъ сы-

новей (??), но мы ихъ не брали: у насъ безъ нихъ было довольно.“ Когда офицеръ, которому пришлось слышать такой разсказъ Сѣраковскаго, возразилъ, что это не правда, ибо русскіе шли за нимъ шагъ за шагомъ и вездѣ видѣли ужасные слѣды его шайки и бѣдствующій народъ, Сѣраковскій отвѣчалъ на это: „мы нарочно говорили крестьянамъ, чтобы они жаловались на насъ,— нужно, чтобы вы ихъ не трогали.“— Этотъ разговоръ былъ на пути, и, какъ разъ кстати, на изобличеніе лжи Сѣраковскаго, два казака подвели въ это время двоихъ плѣнныхъ, только что сдавшихся, изъ коихъ одинъ 17 лѣтній юноша, на вопросъ офицера, по своей ли охотѣ онъ былъ въ шайкѣ, разсказалъ, что вынужденъ былъ къ тому угрозою, что повѣсятъ его отца, если онъ не пойдетъ въ шайку. Тогда Сѣраковскій уже болѣе откровенно замѣтилъ: „ничего,— это кровавыя сѣмена, которыя потомъ дадутъ бѣлыя цвѣты; нужно, чтобы Польша давала знать о себѣ, чтобы ее не забывали“....

Сѣраковскій съ своею шайкою въ 5000 человѣкъ пробирался въ Курляндію, чтобы всполошить ее, по собственному его выраженію, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся чрезъ недѣлю имѣть еще 5000 человѣкъ вооруженныхъ.

Таковы разсказы самого Сѣраковскаго, очевидно, преувеличенные. По показанію другихъ плѣнныхъ, Сѣраковскій, командуя шайками дворянина *Колышко* и ксендза *Мацкевича*, имѣлъ въ распоряженіи все-

го лишь отъ 1500 до 2000 вооруженныхъ мятежниковъ.

25-го Апрѣля маіоръ Мерлинъ съ 1½ ротою Капорскаго полка и 10 казаками настигъ шайку Доленго (Сѣраковскаго) въ 1000 человѣкъ близъ деревни Медейки. Произошла стычка. Послѣ трехчасоваго боя, въ которомъ нашихъ убито 2, ранено 3 и пропалъ безъ вѣсти 1, мятежники оставили на мѣстѣ 60 тѣлъ и бѣжали. 26-го Апрѣля генералъ Ганецкій, съ 3-мя ротами Финляндскаго полка, и съ присоединеннымъ отрядомъ маіора Мерлина, у деревни Медейки, аттаковалъ соединенныя шайки Доленго и Колышко (около 1500 чел.), въ лѣсу у фольварка Гудишки. Упорный бой продолжался 4 часа. Шайка была разбита и преслѣдуема. Часть ея разбѣжалась, а остальные укрылись въ лѣсу графа Тышкевича. Мятежники потеряли до 100 человѣкъ. Взятъ въ плѣнъ начальникъ праваго крыла *Станишевскій*. Доленго раненъ въ грудь пулею на вылетъ, но спасся отъ плѣна. У насъ убито 5 рядовыхъ и 32 ранено.

На другой день 27-го Апрѣля, преслѣдуя шайку Доленго, генералъ Ганецкій настигъ мятежниковъ у фольварка Шнуркишки. Къ шайкѣ Доленго здѣсь присоединилась шайка ксендза Мацкевича, такъ что обѣ шайки имѣли у себя до 2000 вооруженныхъ. И на этотъ разъ мятежники были сбиты съ позиціи и преслѣдуемы на 10 верстъ къ Курляндской границѣ, по едва проходимой дорогѣ, и разсѣяны. У мятежниковъ

отбито 2 знамени, весь обозъ съ военными и продовольственными запасами, въ значительномъ количествѣ, убито 50 и взято въ плѣнъ 60, въ томъ числѣ начальникъ кавалеріи *Лобановскій* (*) и 40 лошадей. Но Сѣраковскій въ этомъ бою не былъ уже. Онъ взятъ послѣ боя 26-го Апрѣля, вечеромъ.

Офицеръ Капорской роты съ нѣсколькими солдатами нечаянно набрели на маленькую мызу, въ густомъ лѣсу на полянѣ. Мыза была заперта со всѣхъ сторонъ. Когда ее окружили, отворилось окно, изъ котораго услышали: „входите, я—Сѣраковскій здѣсь.“ — Вошли. Съ Сѣраковскимъ былъ Колышко и часть штаба, всего 21 человѣкъ.— Ихъ перевезли въ ближайшую мызу какого-то графа, который самъ былъ въ шайкѣ. Это было въ 18 верстахъ отъ нашего штаба въ Медейкѣ. Чтобы перевезти плѣнныхъ въ штабъ, посланъ былъ офицеръ съ 40 стрѣлками.

Въ 12 часу ночи отрядъ стрѣлковъ прибылъ на мызу. Въ передней были Капорцы. Въ комнатѣ до 12 плѣнныхъ спало на соломѣ. Неспавшій молодой человѣкъ, сильнаго тѣлосложенія, съ красивымъ, но рѣзкимъ лицомъ, при входѣ офицера, всталъ и рекомендовался: *„Колышко.“* По срединѣ сосѣдней комнаты, увѣшанной картинами, на большой кровати лежалъ раненный Сѣраковскій. У его изголовья сидѣли два докто-

(*) Этотъ 50 лѣтній старикъ разсказывалъ, что попалъ въ шайку, благодаря дамамъ, надоѣдавшимъ ему упреками въ неисполненіи обязанности защищать отчизну, и даже бранью.

ра въ польскихъ костюмахъ. Въ глубинѣ комнаты лежало шестеро раненныхъ. Къ офицеру подошолъ на цыпочкахъ молодой человѣкъ, очень красивой наружности, поклонился и сказалъ: „графъ *Косаговскій*, адъютантъ нашего генерала.“— „Кончите эту комедію, и разбудите Сѣраковскаго, сказалъ офицеръ, мнѣ приказано немедленно перевезти всѣхъ васъ въ штабъ, въ Медейку. „Это невозможно, поручикъ, рана нашего генерала опасна, теперь кризисъ, онъ непереживетъ. Подождите до 7 часовъ утра.“

Между тѣмъ на мызѣ былъ слухъ, что по дорогѣ въ Медейку, въ лѣсу, находится часть шайки Мацкевича, въ засадѣ и замышляетъ отбить плѣнныхъ.— Офицеръ, по этому, рѣшилъ разбудить тотчасъ Сѣраковскаго.— Проснувшись, Сѣраковскій также сказалъ: „Вы пріѣхали взять меня, но я не могу ѣхать, г. офицеръ; погодите до 7 часовъ утра; я буду полезнѣе живой, а то мертваго привезете.“ Но офицеръ объявилъ, что эти просьбы для него подозрительны, что если они надѣются на помощь мятежниковъ, то это напрасно.

Въ два часа начало свѣтать. Офицеръ разбудилъ всѣхъ и велѣлъ одѣваться. Всѣхъ посадили на подводы, а для больного Сѣраковскаго найдена была на мызѣ коляска. Но Сѣраковскій не выходилъ, прося позволенія напиться чаю. Офицеръ позволилъ, но слишкомъ долгія приготовленія вывели его изъ терпѣнія, и онъ сказалъ: „Сѣраковскій, про васъ идетъ слава въ шайкахъ, что вы человѣкъ съ желѣзной волей, дока-

жите, что вамъ чашка чаю ни почемъ.“ Чрезъ минуту Сѣраковскій сидѣлъ въ коляскѣ, съ докторомъ и Косаговскимъ.

Другой офицеръ распрашивалъ Колышко о шайкѣ. Колышко разсказывалъ: „Я уже третій мѣсяцъ начальствую шайкой. Въ Генуэзской школѣ (*) я пріобрѣлъ стратегическія познанія. Два мѣсяца меня ловили отряды, но я не попадался; даже иногда проходилъ между двумя отрядами, и оставался назади. Меня никогда бы не поймали, если бы не Сѣраковскій. Не соединись я съ нимъ, я былъ бы теперь съ шайкою преспокойно въ лѣсу. Но Сѣраковскій—начальникъ; мы должны его слушаться. Сѣраковскій умный человѣкъ, но не полководецъ, у него мало энергіи, онъ не позволилъ мнѣ напасть на Медейку, когда тамъ была одна Капорская рота.“

Изъ Медейки Сѣраковскій, съ другими, былъ доставленъ въ Вильну, и помѣщенъ здѣсь въ военное отдѣленіе госпиталя св. Якова.

По случаю болѣзни Сѣраковскаго, военный судъ надъ нимъ отложенъ былъ до 10-го Іюня. Но и теперь, когда Предсѣдатель Суда объявилъ Сѣраковскому о полевомъ судѣ надъ нимъ, послѣдній возразилъ, что онъ слабъ и нѣсколько ночей не спалъ. На вопросъ о томъ, не имѣетъ ли онъ на кого нибудь изъ судей

(*) Мѣрославскій чрезъ Гарибальди выхлопоталъ помѣщеніе въ Генуѣ для польской военной школы. Въ ней было 150 человѣкъ изъ гарибальдійскихъ волонтеровъ.

подозрѣнія, онъ началъ усердно доказывать, что онъ не въ состояніи давать отвѣты, по болѣзни, и не надѣется, чтобы въ настоящемъ положеніи онъ могъ сказать правду, потому что всѣ представленія, какія ему теперь кажутся справедливыми, онъ черезъ два часа находитъ невѣрными. Медикъ же Статманъ засвидѣтельствовалъ, что подсудимый могъ бы отвѣчать на вопросы сознательно.— Сѣраковскій попросилъ тогда, чтобы составлена была коммиссія изъ медиковъ, и если они отзовутся, что онъ можетъ давать отвѣты, тогда уже рѣшеніе его участи будетъ на совѣсти медиковъ, а не судей. Когда же ему замѣтили, что изъ теперешнихъ его объясненій вовсе не видно, чтобы онъ не могъ объясняться логично, Сѣраковскій сказалъ: „Нерѣдко предметы я вижу не въ настоящемъ положеніи, такъ что цвѣта, замѣченные прежде, мнѣ кажутся въ иномъ видѣ. Я нахожусь въ состояніи кошмара, стараюсь придти въ нормальное положеніе, и боюсь, чтобы не потерять разсудка. Уже десять ночей не сплю и если усну спокойно только три ночи, мои мысли возстановятся. Тогда обѣщаю отвѣчать на вопросы Суда. Я и самъ желаю объяснить всѣ обстоятельства, мнѣ извѣстныя, но боюсь, чтобы не сдѣлать неправильнаго показанія. Ужасаюсь всего болѣе того, чтобы не умереть въ госпиталѣ, хочу все открыть и умереть честно.“

Смысла послѣдней фразы онъ не объяснилъ, и какъ видно, напрягался, затѣмъ, чтобы это напряженіе и горячность отразились на мозгу.

Изворотливость и уклончивость Сѣраковскаго отъ отвѣтовъ на вопросы имѣли цѣлію продлить время и отсрочить наказаніе, а можетъ быть, и отклонить. Можетъ быть, онъ расчитывалъ на что нибудь....

12-го Іюня, въ Среду, Члены Слѣдственной Коммиссіи послѣдній разъ прибыли къ Сѣраковскому для убѣжденія его откровенно высказать всѣ обстоятельства его участія въ мятежѣ; но Сѣраковскій и въ этотъ разъ уклонялся отъ прямого дѣла, сводя разговоръ на порученіе, какое ему давали, именно на командировку въ Парижъ, на вниманіе къ нему Наполеона III и Гарибальди и вообще на близкія свои отношенія къ высшимъ лицамъ Европы, и наконецъ высказался только, что онъ не былъ бы въ шайкѣ, если бы не былъ убѣжденъ, что возстаніе будетъ единодушное. Не расчитывалъ ли Сѣраковскій на заступничество этихъ высшихъ лицъ Европы, отдаляя срокъ суда?... При уходѣ Предсѣдателя и Членовъ Коммиссіи, послѣ тщетнаго двухчасоваго убѣжденія, онъ энергически сказалъ: „Судъ надо мною долженъ быть гласный!“

Разумѣется, всѣ увертки преступника были совершенно напрасны. Фактовъ его преступной дѣятельности у Суда было совершенно достаточно для его осужденія. Можетъ быть, откровенное сознаніе только прибавило бы къ нимъ нѣсколько новыхъ.... Упрямому *воеводѣ Литовскому и Ковенскому* оставалось, послѣ всего разсказаннаго, также безплодно провозгласить на мѣстѣ казни:

„протестую предъ судомъ всей Россіи и Европы!“— Запоздалый возгласъ!!...

Казнь Сѣраковскаго, вмѣстѣ съ предшествовавшими ей казнями ксендза *Раймунда Земацкаго* (24-го Мая), *Болеслава Колышко* (28-го Мая), ксендза *Станислава Ишоры* (22-го Мая) и *Юліана Лесневскаго* (10-го Іюня), отняли у Виленскихъ агитаторовъ надежду на успѣхъ Западно-русскаго вооруженнаго мятежа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охоту заявлять о себѣ такъ или иначе.— Осталась, какъ мы видѣли, тайная полиція жандармовъ вѣшателей, но и та не надолго.— Покушеніе на жизнь Домейко было послѣднимъ ея дѣломъ....

Такъ разсѣялся по немногу туманъ въ Вильнѣ, навѣянный съ Запада... Восточный вѣтеръ пересилилъ его, и по необходимости не безъ жертвъ отуманенныхъ....

Едва ли Западъ откажется отъ своей привычки застилать Русскій западный край туманами.... На то онъ Европейскій западъ... Стало быть, надобно позаботиться о томъ, чтобы умѣть и въ туманѣ не спотыкаться, а ходить твердою походкой и прямымъ путемъ....

Мы имѣемъ случай, на поученіе отуманеннымъ и на предостереженіе отъ новыхъ заблужденій въ туманѣ, привести любопытный, неоригинальный, можетъ быть, по мыслямъ, но важный въ настоящемъ случаѣ по про-

исхожденію, документъ, въ переводѣ съ Польскаго языка.— Документъ этотъ найденъ между бумагами у проживавшей въ г. Псковѣ помѣщицы Могилевской губерніи—Свенторжецкой. Онъ писанъ Минскимъ помѣщикомъ—Полякомъ.

„Родаки!

„Вчера я подписалъ адресъ къ Монарху, признавая, что провинція, которой я житель, не Польская, а Русская; вслѣдствіе чего и я долженъ быть и обѣщаюсь быть вѣрнымъ Его подданнымъ. Знаю логику революціи, потому извѣстно мнѣ, что, по ея суду, я заслуживаю смерти, потому что революція не терпитъ ничьего чуждаго ей мнѣнія: кто не съ нею, тотъ противъ нея—таковъ девизъ всѣхъ революцій. Поэтому, быть можетъ, революціонное правительство откомандируетъ экзекутора, который при удобномъ случаѣ, умертвитъ меня; ибо это, какъ я сказалъ, вытекаетъ изъ логики революціи. Однако я хочу, чтобы вы, родаки, знали, что я подписалъ адресъ не изъ страха, не изъ подлости—для какихъ нибудь видовъ,— подписалъ по сознательному убѣжденію, которое вытекаетъ изъ моихъ понятій о политическомъ положеніи западныхъ провинцій Имперіи; какова моя политическая вѣра,— это я здѣсь объясняю.“

„Агломерація или безпрерывное сліяніе народовъ одноплеменныхъ—въ натурѣ вещей, или, говоря по фран-

цузски, въ силѣ вещей; но которому изъ племенъ Провидѣніе поручитъ это дѣло соединенія,— объ этомъ мы узнаемъ только тогда, когда фактъ уже совершился; а фактъ только тогда можетъ быть названъ совершившимся, когда всѣ политическія преграды, слагающіяся изъ разныхъ событій, будутъ уничтожены, и племена съ различными автономіями, выработанными длиннымъ рядомъ событій, сольются какъ ручьи, въ одно море. А такъ какъ это сліяніе всего чаще совершается только именно такимъ образомъ, то отсюда и возникаютъ тѣ братоубійственныя войны, та долгая и увы! для нѣкоторыхъ племенъ слишкомъ долгая агонія—борьба за первенство и за разные личные интересы. Такова исторія всѣхъ современныхъ великихъ народовъ, слившихся въ одно политическое тѣло. Я не вхожу въ разборъ исторіи племенъ славянскихъ, подъ разными ихъ наименованіями, потому что въ ней столько же истины, основанной на догадкахъ, сколько въ начало образованіи другихъ народовъ; но существуетъ фактъ, котораго никто не можетъ опровергнуть,— фактъ, что было В. Княжество Кіевское, говорившее тѣмъ же самымъ языкомъ, который былъ языкомъ большей части племенъ подъ названіями: Русиновъ, Россіянъ или Рутеновъ.— (какъ угодно было Австрійцамъ назвать часть Галиціи). Что господство Кіевскаго Княжества простиралось на этихъ *черныхъ*, *червонныхъ*, *бѣлыхъ*, *малыхъ* и другихъ Русиновъ,— въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Исчезло В. Княж. Кіевское, распалось его господство, и за-

тѣмъ является только одинъ обломокъ этого зданія, подъ титломъ Московскаго Княжества, да и тотъ подъ игомъ дикой татарщины. Въ это время Польша была могущественна. Казалось, что ея назначеніемъ было— слить въ одно всѣ славянскія племена и не мало она успѣла сдѣлать для этой цѣли соединеніемъ съ собою Литвы, со всѣми Русскими ея провинціями, присоединенными различными способами къ языческому еще въ то время Литовскому Княжеству.

„Не такъ однакожъ успѣшно шли дѣла Польши на западѣ: на сколько она подвигалась впередъ на востокъ присоединеніемъ къ себѣ славянъ—Русиновъ, на столько Нѣмцы порабощали славянъ западныхъ. Польша преждевременно приняла форму либеральнаго правленія, и въ то время, какъ въ цѣлой Европѣ правительственныя власти, въ лицѣ царствовавшихъ особъ, централизовались,— въ Польшѣ власть Королей уменьшилась, а за ослабленіемъ власти падало и могущество Польши, исчезалъ ея блескъ, а съ нимъ и надежда Славянъ.

„Что же въ это время дѣлается съ обломкомъ Россіи, съ ограниченнымъ Московскимъ Княжествомъ? Говорю *Россіи*, потому что тамъ языкъ и вѣра была Русиновъ, т. е. главныя характеристическія черты народности. Вотъ оно свергаетъ съ себя татарское иго, включаетъ въ себя разныя Руси, кровавыми войнами истребляетъ и покоряетъ Татаръ, подвигается все далѣе и далѣе на западъ и оканчиваетъ раздѣломъ Поль-

ши, отдавая все то, что было чисто Польскимъ, Нѣмцамъ и присоединяя къ себѣ Литву со всѣми Русскими провинціями, съ которыми Литва присоединилась къ Польшѣ, чѣмъ, кажется, какъ бы опредѣлила себѣ границу въ стремленіи къ соединенію Славянъ въ одно тѣло, останавливаясь на присоединеніи Русиновъ, что такъ и расширило это огромное Государство Россійское, явившееся, разумѣется, въ иной формѣ нежели то, надъ которымъ господствовало, или же которому предшествовало,— Великое Княжество Кіевское. По совершеніи такого факта каждый житель Минской губерніи (къ которой принадлежитъ авторъ), какого бы ни былъ онъ происхожденія, если сброситъ съ себя, или покрайней мѣрѣ будетъ имѣть на столько самолюбія, что на минуту съумѣетъ заглушить то чувство боли, какое, конечно, должны вызвать обманутое прошедшее и утраченная будущность,— долженъ согласиться со мной, что не Польскому племени, но волѣ Высшей, предназначено было слить всѣхъ Славянъ во едино, что можетъ быть всего вѣроятнѣе,— ни одному (?) изъ поколѣній Русскихъ, но одному изъ тѣхъ поколѣній, которое поселилось въ В. Кн. Московскомъ, Провидѣніе ясно дозволило основать и утвердить Монархію Всероссійскую.

„Такова моя политическая вѣра, и потому, какъ житель Минской губерніи, покоряясь предъ опредѣленіемъ Высшихъ судебъ, съ первой минуты проявленія мятежа, я видѣлъ въ немъ только возбужденныя страсти, неспособныя къ ниспроверженію того,

что по волѣ Высшихъ судебъ стало фактомъ совершившимся.

„Я изложилъ свои понятія, свою политическую вѣру. Никогда я не былъ способенъ, въ пользу чьихъ бы то ни было распоряженій, отказываться отъ своихъ мозговыхъ началъ, каковы бы они ни были, и потому никакія повелѣнія главныхъ и не главныхъ, центральныхъ, подземныхъ, хотя бы всяческихъ комитетовъ, если бы они до меня и доходили, ни когда бы не вынудили у меня того, чтобы я слѣпо подчинился имъ потому только, что они выставили знамя патріотизма.— Теперь вы можете меня рѣзать, рубить, а я въ послѣднюю минуту буду васъ считать за людей больныхъ горячкой, и скажу о васъ то, что ни одинъ, какъ вы называете, Москаль, желая принесть пользу своему краю, ничего лучше не могъ бы выдумать для Россіи какъ это возстаніе при теперешнихъ обстоятельствахъ.“

„Евстафій Прушинскій.“

ЦѢНА 40 КОП.

LIBRARY OF CONGRESS
0 019 917 242 6